

1802 1815 // Перевод с франц.,
комментарии, исследования О. В. Соколова. — М.–СПб.: ИД Клио–ЕВРАЗИЯ, 2014. —
384, 32 цв. ил.

ISBN 978-5-91852-087-1

Воспоминания о наполеоновских войнах» Октава Левавассёра — редкий по своей информативности и в то же время по яркому изложению документ. Артиллерист, со своей батареей прошедший в авангарде кампанию 1805 года, а потом адъютант маршала Нея, автор оказался вплоть до последнего сражения империи — Ватерлоо — не только в гуще боёв, но и в гуще политических интриг. Увлекательные приключения соседствуют в этой книге с интереснейшими фактами высокой политики.

Перевод данного издания сделан крупнейшим специалистом в нашей стране по истории наполеоновской эпохи — Соколовым О. В., в совершенстве владеющим французским языком, как современным, так и наполеоновского времени. Им же написаны интереснейшие комментарии, позволяющие гораздо лучше понять сказанное, а иногда и недосказанное автором.

Октав Левавассёр и его воспоминания.....	5
Послужной список Левавассёра.....	21
Глава I. Артиллерийская школа в Меце. Булонский лагерь.....	27
Глава II. Кампания 1805 года, Аустерлиц.....	49
Глава III. Кампании 1806–1807 годов:Эйлау, Йена и Фридланд.....	82
Глава IV. Война в Испании 1808–1809 годов.....	119
Глава V. Русская кампания (1812 год). 1810–1813 годы.....	164

Глава VI.	
Французская кампания. Отречение. Первая Реставрация.....	172
Глава VII.	
Сто дней. Ватерлоо. 1815 год.....	226
Глава VIII.	
Вторая реставрация. Процесс маршала Нея.....	267
Комментарии.....	283

Воспоминания Октава Левавассёра представляют собой интереснейший исторический документ, совершенно неизвестный российскому читателю. Поэтому не сомневаемся, что его публикация вызовет живой интерес у всех тех, кто интересуется драматической историей наполеоновских войн.

Действительно, французский офицер Октав Левавассёр, родившийся в 1781 году, прошёл всю великую эпопею Первой империи практически от её первого выстрела до последнего. В 1800

году возрасте 19 лет юноша из «хорошей семьи», Левавассёр, поступил в

Политехническую школу в

Париже. Созданная за несколько лет до этого, в

эпоху Великой французской революции, выдающимся математиком Гаспаром Монжем и

знаменитым инженером Лазаром Карно, эта школа очень скоро превратилась из просто инженерной школы в

военно-инженерную. При Наполеоне её будут рассматривать как

основное училище для подготовки офицеров артиллерии и инженерных войск.

Октав Левавассёр окончил Политехническую школу в 1802 году, а затем после годичного пребывания в Артиллерийско
м училище в Ме
це 28 ноября 1803 года был выпущен с

эполетами второго лейтенанта во 2-й конно-артиллерийский полк. Это дало возможность молодому офицеру начать службу в

Булонском лагере, где французская армия готовилась к броску через Ла-Манш,

а когда разразилась континентальная война, стать не просто её активным участником, а пройти знаменитый поход 1805 года в самой гуще событий.

Конная артиллерия тогда считалась элитным родом

войск. Её батареи были всегда впереди, в гуще боя, поддерживая своим огнём действия кавалерии. Судьба распорядилась так, что батарея, в

которой начал службу молодой офицер, была придана передовым частям Великой Армии. И

более того, драгунской дивизии генерала Вальтера, той, которая в

течение всего похода 1805

года была в авангарде, в

самой гуще событий. Так Левавассёру не только довелось принять участие чуть ли не во всех основных боях на

главном театре военных действий, но и

постоянно наблюдать великие события этой войны из «первого ряда партера». Он побывал не только под Ульмом, Аустерлицем, Меммингеном, Энсом, Амштеттеном, Шенграбеном, но и одним из первых вступил в

Вену и

был свидетелем знаменитого взятия мостов через Дунай маршалом Мюратом...

Судя по ряду высказываний автора, его мемуары были написаны в середине 30-х годов XIX

века, иначе говоря, примерно тридцать лет спустя после описываемых событий. С

учётом этого можно было бы вообразить, что в

воспоминаниях Левавассёра должна быть масса неточностей. Однако это не так.

Во-первых, автор писал мемуары, используя заметки, которые он сделал во время своих походов. Во-вторых, Левавассёр в

момент написания воспоминаний был ещё совсем не старым человеком. Ему было едва за пятьдесят, и

память о

том, что произошло в

его молодости, особенно если учитывать, что она совпала со столь драматическими событиями, как начало наполеоновских войн, была ещё очень свежа.

В результате многие эпизоды из воспоминаний Левавассёра находят подтверждение в синхронных источниках того времени. Это заставляет полагать, что те из событий, описанных автором, которые невозможно проверить иными документами, рассказаны довольно правдиво.

Редкостью для мемуарной литературы является небольшой эпизод из мемуаров Левавассёра, который находит подтверждение не только в источниках, исходящих со стороны армии, где служил автор, но и

со стороны его противника.

Вот что можно прочитать в воспоминаниях Левавассёра о действиях его маленькой батареи в сражении при Амштеттене 5 ноября 1805 года:

«...Дорога шла через большой Амштеттенский лес. Принц Мюрат, не приняв необходимых мер, чтобы провести разведку, не колеблясь, вступил в лес. Я следовал сразу за ним и за гусарским полком; вся кавалерия шла в

колонне за мной. Прошла четверть часа, всё было тихо.

Внезапно по всей линии раздался ружейный огонь в упор. Невозможно было вести огонь, все кони взбрыкнулись, раздался крик: “Примите вправо!” Повернув назад, Мюрат со всем своим штабом проскакал мимо нас. Все захотели последовать его примеру; это вызвало полный беспорядок в наших рядах. Генерал Муассель пронёсся по дороге мимо меня.

— Что делать? — крикнул я.

— Что сможете, — ответил он, не останавливаясь.

В этой неразберихе я спрыгнул с коня и, развернув вручную первое орудие, приказал зарядить его картечью; но невозможно было работать банником, столь велика была толчея. В этот момент в четырёх шагах от меня рубили гусар, которые столпились у моей пушки. Мы с

трудом зарядили её ядром, а поверх забили ещё и

картечь. Звон сабель был уже прямо над нами. Канонир Коло протянул руку с

зажженным фитилём. Мы закричали: “Берегись!” Наши гусары, кто как мог, бросились по сторонам, и

перед пушкой появилась небольшая амбразура среди месива из людей и коней. Русский полковник в мундире, расшитом золотом, бросился к моему канониру, чтобы отрубить ему руку. Но в этот момент прогрехотал выстрел. Ствол снесло с лафета, а полковник упал прямо на пушку. Ужасающим выстрелом разметало всё кругом. Более сорока лошадей и огромное количество людей — русских, австрийцев и французов — повалило на землю, и перед батареей оказалась целая баррикада из окровавленных тел.

После этого выстрела воцарилась тишина, пальба тут же прекратилась. Враг, без сомнения, переоценил наши силы и отступил».

Бывший также в первых рядах авангарда капитан Лежён, другой французский офицер, совершенно

не знакомый с Левассёром и не имевший никакой возможности читать его воспоминания, пишет:

«Неприятель рубил наши задние ряды, брал пленных и чуть не захватил в плен и нас. Конь под Мюратом был убит, мой, вырвавшись из этой свалки, поскакал галопом по откосу дороги, споткнулся и рухнул. Пока я пытался встать, он уже поднялся на ноги и ускакал вместе с другими конями, несущимися в галоп. Я сумел найти себе убежище у двух пушек, которые поставил на дороге молодой артиллерийский офицерик, наверное, только что окончивший военную школу. Драка была ужасная, и уже сабли свистели над нашими головами. В этот момент молодой офицер, проверив наводку своих орудий, с удивительным хладнокровием схватил пальник и, бросившись к пушкам, в тот момент, когда его самого могли зарубить в мгновение ока, поджёг запал. Две пушки, заряженные картечью, дали такой залп, что сокрушили всю голову колонны неприятеля... Ни одна из картечин из этого двойного выстрела не пропала даром. От страшного грохота на нас посыпалась гряда снега с деревьев, и, словно по волшебству, эскадроны, которые нас атаковали, исчезли в дыму и в снежной пыли»¹.

А вот что пишет известный русский генерал А. П. Ермолов, участник Амштеттенского боя и свидетель этого происшествия:

«Внезапность привела неприятеля в некоторую робость, и ею воспользовался генерал-майор Милорадович удачно. Он приказал коннице ударить на

колеблющегося неприятеля, и

Мариупольского гусарского полка подполковник Игельстром, офицер блистательной храбрости, с

двумя эскадронами стремительно врезался в

пехоту, отбросил неприятеля далеко назад, и

уже гусары ворвались на

батарею. Но одна картечь — и

одним храбрым стало меньше в

нашей армии! После смерти его рассыпались его эскадроны, и

неприятель остановился в

бегстве своём...»²

«Офицерик», о котором писал Лежён, это не кто иной, как Левавассёр, «одна картечь», о которой говорит Ермолов, — это выстрел, который произвело его орудие, а «подполковник Игельстром, офицер блистательной храбрости», — это тот гусарский офицер, о

котором вспоминал сам автор записок: «русский полковник в

мундире, расшитом золотом, бросился к моему канониру, чтобы отрубить ему руку...».

Небольшие расхождения в текстах этих мемуаров только подтверждают, что все источники независимые и никто не списывал у другого. Так, Лежёну показалось, что стреляло два орудия, в

то время как это был один выстрел, но двойным зарядом, Левавассёр называет Ингельстрема «полковником», а не подполковником. Впрочем, странно было бы, если бы автор смог в

пылу боя отличить неприятельского полковника от подполковника, тем более что этого не смогли бы сделать даже офицеры русской армии, так как в

ту эпоху никаких форменных отличий гусарским офицерам этого ранга не полагалось. По мундиру можно было отличить только младшего офицера от старшего.

Мы разобрали этот небольшой эпизод из мемуаров, для того чтобы показать, насколько книга Левавассёра заслуживает внимания как источник для изучения

военной истории эпохи Наполеона. Как видно из эпизода битвы под Амштеттенем, автор сохранил в своей памяти массу интересных подробностей, которые, без сомнения, добавляют краски к картине эпохи.

Однако интерес мемуаров Левавассёра не только в хорошей памяти автора, но и в его относительной объективности. Конечно, Левавассёр, как и

многие молодые офицеры той эпохи, ушёл на

войну горячим энтузиастом наполеоновской империи. «Энтузиазм переполнял нас,

— пишет автор о

французской армии 1805 года.

— Нет, никакая сила, никакая мощь не могла противостоять такой силе духа и

таким солдатам. Даже если бы враг превосходил нас численностью в
десять раз, мы всё равно разгромили бы его».

Однако это не мешает Левавассёру видеть изнанку блестящих побед. Он видит и бесчинства армии на

походе, и

беспорядок в

её рядах: «Какое зрелище представляет собой лагерь при первых лучах солнца, когда мы покидаем его!

— рассказывает автор.

— Тысячи костров, ещё дымящихся повсюду, посреди которых разбросаны обглоданные куски говядины и

свинины, оставшиеся со вчерашнего ужина, повсюду валяются матрасы, диваны, столы, сломанные наполовину, а среди всего этого бродят крестьяне, ищущие среди этих обломков то, что когда-то им принадлежало!

Иногда я выбирал дом, стоящий в стороне; мои кони и часть моих солдат находили там приют. Пока мы спали, другие солдаты, прибывающие тысячами, забирались на

крышу нашего дома и

разбирали его в

мгновение ока.

В другом месте нам пришлось довольствоваться лишь деревянными досками, оторванными от домов, и сломанными дверьми, и пока мы спали, укрывшись под таким навесом и
вытянув ноги к огню, солома
на
нашем биваке загорелась,
и
мы внезапно проснулись
среди пожара».

Молодой Левавассёр прошёл славную кампанию 1805 года в первых рядах авангарда, будучи самым простым строевым офицером, далёким от стратегических комбинаций и

высокой политики. Но уже в

1806

году его жизнь кардинально меняется. Храброго артиллериста приглашает к себе на

службу адъютантом бригадный генерал Серу, командир артиллерии корпуса Нея, а в

скором времени автор оказывается и

в

штабе самого маршала. Став адъютантом знаменитого полководца Первой империи, Левавассёр оказался в

гуще всех важнейших военных и

политических событий той эпохи. О

многих из них автор сообщает интереснейшие и

ярчайшие подробности. Но особенно красочен портрет самого Нея, к которому молодой офицер искренне привязался и

которым он, без сомнения, восторгался. Вот как Левавассёр описывает поведение своего начальника в

битве под Гутштадтом 6

июня 1807

года, когда корпус Нея вынужден был сражаться против намного превосходящих его сил противника:

«Маршал поднялся на рассвете.

— По коням, — приказал он. — Сегодня будет жаркий денёк.

Мы тотчас поскакали по полю битвы: Нея сопровождали генерал Серу, генерал Дютайи, заместитель начальника штаба, полковник Малеро, адъютанты и офицеры штаба, образуя тем самым группу из двадцати всадников. Направляясь на

оконечность левого фланга, маршал приблизился к первому вражескому ведету, раздался выстрел.

В этот же момент над нами просвистело пушечное ядро, не задев нас.

— Левавассёр, — приказал маршал, — подсчитайте количество орудий.

И мы поскакали вдоль всей линии неприятеля под огнём, открытым по нам как ведетами, так и пушками. Одно ядро пролетело сквозь нашу группу и отрезало хвост лошади генерала Серу. Чуть дальше другое ядро попало в

правую руку генерала Дютайи и

оторвало её. Хирург перевязал ему плечо, и

раненый генерал продолжил путь вместе с

нами, когда мы помогли ему сесть на

коня. Ещё дальше другое ядро опрокинуло с

лошади полковника Малеро. Я

спрыгнул с

коня, чтобы посмотреть, куда он ранен. Я не нашёл ни одной раны, однако полковник был мёртв.

Маршал Ней любил производить подобного рода рекогносцировки, и никогда не пропускал случая в

них поучаствовать. Когда Император отправлял к нему генералов, маршалу нравилось беседовать с

ними под

самым сильным вражеским огнём и свистом пуль. Я видел, как в этих необычайных условиях он раскладывал карту на

земле и

объяснял генералу, посланному Наполеоном (который его совсем не слушал), движения, которые Император должен был приказать, и

место нахождения позиции врага».

Левавассёр даёт интересные сведения о боях летней кампании 1807 года, но особо ярко и красочно он описывает сражение при Фридланде, где корпус Нея сыграл решающую роль.

Вслед за маршалом автор отправился в Испанию, где французскую армию ожидала война совершенно другого рода, чем короткий блистательный летний поход в

Восточной Пруссии. Едва вступив за Пиренеи, Левавассёр и

его товарищи столкнулись с

ожесточением испанского народа, поднявшегося на

борьбу за свою родину. Французов здесь встречали не как освободителей, а как захватчиков. Вот что вспоминает автор о

своих первых шагах по территории объятай пламенем Испании:

«Дороги через Пиренеи были уже отмечены тем, что там происходили убийства, особенно в окрестностях Мондрагона. Каждый солдат, идущий в одиночку по этим опасным дорогам, почти наверняка погибал. Герцог Эльхингенский послал в

разведку вольтижёров, а те в

свою очередь захватили вооружённых бандитов, которых маршал приказал повесить на

деревьях, стоящих вдоль дороги, словно для того, чтобы дать представление об ожесточённой войне, которую мы здесь будем вести. Эта Испания, воспетая поэтами и

такая красивая, встретила нас лицом, увенчанным гирляндами из трупов».

Левавассёр прошёл почти два года этой тяжёлой, изнурительной для наполеоновской армии войны, о которой он рассказывает честно и без прикрас. Автор форсировал заснеженную Сьерра-Гвадарраму, скакал, исполняя поручения маршала, через деревни, где рисковал ежеминутно погибнуть под ножами герильясов, участвовал в

преследовании английской армии сэра Джона Мура, был свидетелем кровавых схваток в

Галисии и

Астурии, где сражался корпус Нея. Автор не жалеет чёрных красок для этой жестокой войны... Но, подобно пьесам Шекспира, где трагическое соседствует с

комичным, Левавассёр находит и

на этой кровавой войне место для юмора. Вот как описывает автор противостояние линейных войск и

гвардии, которое возникло со значительным численным ростом последней в

1808–1809 годы:

«Императорская гвардия повсюду в местах нашего расположения выказывала своё первенство. Столкнуться с ней было малоприятно. Казалось, что всё должно достаться ей; везде гвардейцы заставляли давать им двойную порцию. Они вели себя так же, когда дело касалось различной службы, зависящей от них. Однажды конвой, состоящий из ослов, был представлен военному интенданту, и обозные солдаты потребовали рационы (рационы овса для ослов). Интендант выделил им талоны на

получение обычных рационов; тогда солдаты возмутились:

— Но это же ослы Гвардии!

— А! раз это гвардейские ослы, тогда — паёк мулов, — ответил интендант.

Мулы, согласно иерархии вьючных животных, стояли выше ослов и были по отношению к ослам, как гвардейцы по отношению к обычным войскам. Словечко прижилось в

линейных частях, которые повторяли всякий раз, оказавшись вместе с

Императорской гвардией: «Ослы Гвардии

— тогда паёк мулов»».

Вернувшись из испанского похода, молодой офицер решил жениться и перейти на гражданскую службу. Весной 1810

года он уходит в

отставку, отложив на

целых четыре года свою шпагу. Потому Левассёр не принял участие в

походе 1812

года в

Россию. У русского читателя может вызвать сожаление то, что в

этой книге он не найдёт картин знаменитой войны, известной в

России как Отечественная. Но возможно, если бы автор принял в

ней участие, его мемуаров просто-напросто не появилось бы. Сам маршал так сказал Левассёру по поводу неучастия последнего в

кампании 1812

года: «Вы правильно сделали, что не отправились со мной в

Россию. Я

точно бы вас там погубил».

Но вот наступил 1814 год, и многочисленные армии союзников вступили на территорию Франции. Узнав об опасности, которая угрожала его стране, офицер в

отставке, которому было всего лишь 32 года, снова попросился на

службу в

штаб маршала Нея. «Я бы чувствовал себя негодяем,

— пишет автор,

— если бы остался дома, когда союзники шли по территории Франции. Я взял снова саблю и

отправился в

Париж, куда как раз прибыл мой маршал. Я предложил ему помощь в

этой последней борьбе, ставшей поистине неравной».

Левавассёр, если судить по его послужному списку, принял самое активное участие в этой неравной борьбе, однако его воспоминания теряют свежесть восприятия. Автор не избежал общей участи многих авторов мемуаров, описывая события, в

которых принимал участие, и

особенно их политическую подоплёку с

оглядкой на

современность. Если, рассказывая о

походе 1805

года, автор выступает в

роли инжениу, который с

интересом наблюдает перипетии похода и

бесхитростно повествует о

происходящем, то, говоря о

кампании 1814 года и

особенно о

событиях 1815 года, где сплошь и

рядом приходилось касаться политических вопросов, уже немолодой человек пишет так, чтобы показаться современникам «политкорректным». Он стремится представить всё в

выгодном свете для себя и

для своего начальника, которого он, без сомнения, очень любил и

которому верно служил.

А что значило выглядеть политкорректным и жить в ногу со временем в эпоху Луи-Филиппа, тогда, когда были написаны воспоминания? Это значило быть сторонником конституционной монархии, причём династии Бурбонов

— Орлеанская ветвь этой династии в

лице Луи-Филиппа воцарилась во Франции. Либеральная буржуазия заправляла политический бал, а Луи-Филипп был, как известно, сторонником либеральных взглядов, поэтому либерализм был в

моде.

Эти данные нового времени отныне во многом диктовали автору его мнения, порой больше, чем сами воспоминания о событиях прошлого. Хотя и в самом начале мемуаров Левавассёра можно найти ряд высказываний, которые были продиктованы скорее настоящим, а не временем, когда писалась книга, больше, чем реалиями прошедшего, но подобные пассажи очень редки там, где автор описывает походы 1805–1809 годов. Теперь же они становятся навязчивыми.

Так, известно, что маршал Ней был одним из главных «заводил» в генеральской фронде, которая во многом вынудила Наполеона отречься от престола. Нет сомнения, что маршал Ней делал это под давлением обстоятельств. Он, как и

многие другие, видел, что Наполеон проигрывает войну и

что союзники, прежде всего Александр

I, желают его отречения. Но маршал, как и

его товарищи по оружию из тех, кому император подарил миллионные ренты и

богатые дворцы, не желал терять свои богатства, власть, почести и

престиж... Главным

желанием Нея стало сохранить «всё, что нажито непосильным трудом», любой ценой, и прежде всего ценой ухода с политической арены самого Наполеона.

Чтобы оправдать своего начальника, Левавассёр намеренно сгущает краски. Он

постоянно подчёркивает безнадёжность борьбы в 1814 году, хотя сам присоединился к армии, чтобы эту борьбу вести. Так, описание битвы под Бриенном, сделанное автором, кардинально расходится по своим деталям с

тем, что можно найти в

синхронных источниках, причём основной акцент автор делает на

неудачах.

Левавассёр подчёркивает бессмысленность борьбы, он говорит, что император не хочет видеть реальности, зато её прекрасно видят мемуарист и его начальник. Вот как под пером Левавассёра выглядела его беседа с

Наполеоном вечером после битвы под Бриенном:

«Сир, от Вашего Величества скрывают правду. Я считаю необходимым сказать: Франция и армия желает мира, все желают мира, и если Ваше Величество не имеет иных войск, чтобы противопоставить закалённым солдатам врага, чем эти рекруты, я считаю, что мы не можем надеяться на победу.

Император, кажется, слушал меня спокойно и даже с интересом. Всем своим видом он словно предлагал продолжать мою речь. Зная все, что и

видел и

слышал в

Париже и

в

деревнях, зная о

том, что меня поддерживают маршалы Ней и

Бертье, я осмелился говорить о

серьёзном ухудшении общественного настроения.

— Сир, — сказал я Наполеону, — французы встретят союзников с удовольствием. Для них принять союзников это меньшее зло, чем продолжение войны. —

При этих словах Бертран резко поднялся:

— Что вы говорите, сударь?! Вы обманываете императора. Все, что вы сказали, неверно!

— Сир, — снова продолжал я, — все, что я сказал, правда, верьте мне. Я добавлю, что Ваше Величество уже не имеет того престижа, который его окружал, и что вы потеряли любовь французов».

Разумеется, ослеплённый тиран эти замечания не хочет слышать, и в результате Ней, который, если верить Левавассёру, был почти что поборником конституционного либерализма, вынужден фактически отстранить его от власти, конечно же, на благо Франции:

«Что должен был сделать в этой обстановке маршал?.. Остаться в Париже и не

вмешиваться в

те события, которые там происходят? Ней думал только о

благе своей страны. Он был свидетелем радости, которую вызвало возвращение Бурбонов. В

этих эмоциях он увидел мнение страны. Единственную миссию, которую он мог на себя взять, это попытаться защищать интересы армии перед королём».

Так Ней, без сомнения, отличный полководец и храбрый генерал, но человек, который и понятия не имел о

либерализме, авторитарный и

харизматичный солдат, превратился под пером своего адъютанта в

поборника либеральных принципов. А по-человечески вполне

понятный, но скорее некрасивый и уж точно не героический поступок маршала приобрел черты сознательной политической деятельности, направленной на

благо страны.

Ещё менее мотивированными с точки зрения заботы о своём народе смотрятся действия Нея в 1815 году, когда вспыльчивый воин сначала обещал королю привести Наполеона в

«железной клетке», а затем вдруг превратился в

отчаянного бонапартиста и

несколькими днями спустя сам произнёс перед войсками пламенную речь, призывавшую солдат развернуть штыки против Бурбонов. Но маршал Ней, таким, каким он показан в

мемуарах, действует исключительно из самых чистых побуждений либерального толка.

«Я не мог сделать по-другому, — воскликнул он. — Мы должны, мой друг, думать прежде всего об Отечестве. Франция не желает больше Бурбонов. Мы должны следовать за желанием нашей страны. Союзные монархи согласны с

Бонапартом. Австрийский генерал, барон Келер, приехал на

остров Эльба и

сообщил, что Бурбоны не могут править. Наполеону предложили высадиться во Франции при условии, что он больше не будет воевать за ее пределами. Римский король и

его мать останутся в

Вене в

качестве заложников, до тех пор пока император не даст стране либеральную конституцию».

Сам же автор, конечно, осуждает переход Нея на сторону народа и Императора, считая, что только «законная династия» Бурбонов в

сочетании с

либеральной конституцией способны были принести счастье стране...

Всё перечисленное, конечно же, не украшает произведение Левавассёра, но источник таков, каким создал его автор. Наряду с этими явными натяжками и описаниями, придуманными постфактум, мемуары содержат огромное количество интересной информации о

военн

ой жизни во времена империи Наполеона, ярких, красочных описаний людей и
событий, и,

без сомнения, публикация этого документа внесёт свою лепту в

изучение истории начала

XIX

века.